

сивно вторгаются в революционную литературу и некоторое время господствуют в ней¹.

Но несмотря на это, даже у ее истоков пролетарская литература была литературой антиромантической. Была антиромантической в той мере, в которой боролась против любого разлада между искусством и действительностью². А против модернистских течений она выступала лишь тогда, когда в них укрывались тенденции к отвержению революционных идеалов под маской высвобождения из тисков любых социальных запросов. В уже цитированной нами статье Воровский, например, видел «буржуазную сущность» модернистов в том упорстве, с которым они призывали и писателей и читателей бежать «от общественной действительности, от политики, от догм, программ и всевозможных «пут» — к индивидуальной жизни, к торжеству плоти, к свободе от всякой обязательной морали и даже логики»³. В конечном счете в том же смысле нужно воспринимать известный лозунг Ленина, столь корябящий и сегодня некоторых эстетов: «Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверх-человеков!»⁴. В перспективе времени ясно, что Ленин отнюдь не имел в виду организационную принадлежность или непринадлежность писателей к партии, а именно эстетическое отношение, претензии некоторых чемпионов «абсолютной свободы» искусства, что, мол, они, как художники не только имеют право, но и должны отвергать всякую «связь» с борющимися сторонами, дабы иметь возможность безстрастно выступать в роли арбитров, во имя откровений дошедших до них откуда-то извне реальности и извне разума. Защита реализма, постольку поскольку мы можем идентифицировать таковую в программных выступлениях до первой мировой войны, никогда не перерастала это основное требование: источником эстетических ценностей может быть только действительность потому, что из действитель-

¹ Конкретные примеры мы могли бы без особых затруднений извлечь из символической прозы Горького, из патетических рассказов Серафимовича, лишенных персонажей в классическом смысле этого понятия, из революционной поэзии, прославляющей жертву во имя светлого будущего, даже из агитационных стихов Демьяна Бедного, и из всей «левой» поэзии славянских и неславянских стран, о которой уже была речь. Мы не исключаем даже такого произведения как роман Горького *Мать*, структура которого наглядно говорит о намерении автора создать реалистическое произведение в традиционном смысле. Но может быть именно из-за этого с художественной точки зрения роман менее удачен. Его пафос просто «не уместается» в Прокустово ложе устаревших форм; отсюда то ощущение искусственности, о котором говорили и некоторые критики марксисты.

² В связи с вышеприведенными положениями мы чувствуем себя обязанными уточнить нашу позицию и по отношению к тому, что обыкновенно называется «романтизмом» Горького. По нашему мнению, в творчестве этого писателя есть и сугубо романтические вещи, как, например: *Макар Чудра*, *Старуха Изергиль*, *Песня о Соколе*, *О чижике, который лгал*, и *о дятле — любителе истины*, но и произведения, которые, хотя и написаны в той же стилистической тональности, уже не являются романтическими, среди которых мы могли бы назвать даже *Человека и Пестю о Буревестнике*. Они не романтичны потому что в них доминирует призыв к жизни, к реальности. Романтические произведения, конечно, почти всегда патетичны. Но обратное — не верно; не все патетическое — романтично. В своей целостности творчество Горького патетично, но не романтично.

³ В. В. Воровский, *О буржуазности модернистов*, в сборнике «Литературно-критические статьи», Москва, 1956, стр. 181.

⁴ Из статьи *Партийная организация и партийная литература*; см. «Ленин о культуре и искусстве», Москва, 1956, стр. 42.